Чеснокова Леся Владимировна

ТОСКА КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Автор рассматривает один из важнейших концептов русской культуры: концепт тоски. Особое внимание уделяется этимологии этого концепта и его интерпретации в экзистенциальной философии. Приводятся основные характеристики тоски с точки зрения экзистенциализма: неопределенность, беспричинность, связь со временем и Ничто. Делается различие между тоской и скукой. Указывается на коренящуюся в этом концепте потенциальную духовную опасность, понимаемую в православном учении как "грех уныния".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 195-200. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Гидденс Э.** Устроение общества: очерк теории структурации / пер. с англ. И. Тюрина. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
2. **Дубровский Д. И.** Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
3. **Ильенков Э. В.** Проблема идеального // Вопросы философии. М.: Наука, 1979. № 6. С. 128-140.
4. **Кемеров В. Е.** Меняющаяся роль социальной философии и антиредукционистские стратегии // Вопросы философии. М.: Наука, 2006. № 2. С. 61-78.
5. **Кирдина С. Г.** Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. М.: Наука, 2002. № 12. С. 23-33.
6. **Лапин Н. И.** Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. М.: Наука, 2000. № 6. С. 3-17.
7. **Меняющаяся социальность: новые формы модернизации и прогресса**: монография / отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2010. 274 с.
8. **Храпов С. А.** Индивидуальное и общественное сознание: гносеологические и онтологические аспекты взаимодействия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». Белгород: Издательство ГОУ ВПО «БелГУ», 2009. № 8. С. 200-206.
9. **Храпов С. А.** Социокультурная динамика общественного сознания постсоветской России: монография. М.: Социально-политическая мысль, 2010. 160 с.

SOCIOANTHROPOGENESIS: CATEGORY AND PROCESS

Sergei Aleksandrovich Khrapov, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Astrakhan' State University
Psychoan21@yandex.ru

The author aims to prove the necessity to conceptualize the category of “socioanthropogenesis”, methodologically substantiates the sphere of the meaning of the category “socioanthropogenesis”, reveals its social-cultural processes and presents it as his own contribution; pays particular attention to social-historical context, and shows that the results of this study are the determination of social-cultural approach role in socioanthropogenesis understanding, the author’s explication and interpretation of its principles, and the conclusion about the prospects for further theoretical and practical researches.

Key words and phrases: socioanthropogenesis; anthroposociogenesis; society; man; culture; public opinion; social-cultural approach; principles of social-cultural approach; integrated social-cultural model of social-anthropological development.

УДК 130.2:81’371
Философские науки

Автор рассматривает один из важнейших концептов русской культуры: концепт тоски. Особое внимание уделяется этимологии этого концепта и его интерпретации в экзистенциальной философии. Приводятся основные характеристики тоски с точки зрения экзистенциализма: неопределенность, беспричинность, связь со временем и Ничто. Делается различие между тоской и скукой. Указывается на коренящуюся в этом концепте потенциальную духовную опасность, понимаемую в православном учении как «грех уныния».

Ключевые слова и фразы: концепт культуры; тоска; экзистенциальный страх; скука; экзистенция; Ничто.

Леся Владимировна Чеснокова
Кафедра философии
Омский государственный педагогический университет
L.Tchesnokova@mail.ru

ТОСКА КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ©

Базисной единицей описания национальной культуры является концепт, который Ю. С. Степанов определяет как микромодель культуры, порождающий ее и порождаемый ею. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – обычный, рядовой человек, не “творец культурных ценностей” – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [14, с. 43].

Исследование концептов является одним из важнейших направлений современных гуманитарных исследований. В каждой культуре существуют ключевые слова, в осмыслении и интерпретации которых раскрываются особенности мышления и менталитет того или иного народа. Обозначая главные понятия духовной культуры, они сами являются ее элементами, означивают ее и одновременно осмысливаются ею. Благодаря анализу концептов мы познаем культуру народа. «Концепт национальной культуры, – отмечает В. П. Нерознак, – это знаменательный (сигнификативный) образ, отражающий фрагмент национальной картины мира, обобщенной в слове» [10, с. 81].

© Чеснокова Л. В., 2012

Объектом настоящего исследования является феномен тоски. В каждой культуре существуют свои формы для выражения эмоционально подавленного душевного состояния: английский сплин (spleen), французская скука (ennui), немецкая мировая скорбь (Weltschmerz), русская тоска (хандра). Тем не менее именно для русской культуры характерно огромное количество меланхолических образов и переживаний, что позволяет прийти к выводу о том, что тоска является одним из ключевых концептов русской культуры.

Глубоко укорененный в национальном сознании, этот концепт рождает образы, проникающие в литературу и искусство. Он нашел свое отражение практически во всех значительных текстах русской культуры. Его можно встретить в творчестве А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой, А. П. Платонова и других классиков русской литературы. Так что это за чувство и почему оно является доминирующим на протяжении веков в нашей культуре?

Согласно определению, данному в словаре С. И. Ожегова, тоска – это, во-первых, «душевная тревога, уныние»; во-вторых, «скука, а также (разг.) что-нибудь очень скучное, неинтересное» [11, с. 803].

В словаре В. И. Даля «тоска (теснить) – стеснение духа, томленье души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь» [6, с. 810-811].

В историко-этимологическом словаре современного русского языка тоска определяется как «тяжелое душевное состояние, характеризующееся томлением, грустью, тревогой, унынием и упадком сил» [18, с. 253]. Глагол «тосковать» с основой *tus-sk*, база *teus* – «опорожнять», «делать пустым», «осушать», сходен по своему значению с такими словами, как «тощий», «тщета», «тщательный» [Там же].

Так же, как и метафизический страх-тоска в западной культуре *(Angst, angoisse)*, русское слово «тоска» по своему происхождению связано с чувством тесноты, сжатия. От этого физического значения и происходит обозначение данного чувства: горе, печаль, туга. Как отмечает Ю. С. Степанов, «все эти значения прямо соответствуют латинским *angor* муж. р. 1) стеснение, сжимание; 2) стеснение сердца, беспокойство, тоска и *angustia* 1) теснота, узость; 2) стесненное материальное положение; *angustia spiritus* “стесненное дыхание, одышка”; немецкому *Angst* “страх”, а также прилагательным – нем. *eng* – “узкий”… От лат. *angustia* происходит совр. франц. *angoisse* – “тоска, страх, тревога”» [14, с. 896].

В философии экзистенциализма отмечается связь тоски с еще одним физиологическим чувством, описанным в экзистенциальном романе Ж.-П. Сартра, который так и называется – «Тошнота» («La Nausée»). Его главный герой, Антуан Рокантен, мучается необъяснимыми приступами тошноты, за которой для него в итоге кроется ключ к открытию существования – экзистенции. Однажды вечером, во время прогулки по парку, к нему вдруг пришло откровение: «…в самый разгар экстаза возникло нечто новое: я понял Тошноту, овладел ею. По правде сказать, я не пытался сформулировать свое открытие. Но думаю, что отныне мне нетрудно будет облечь его в слова. Суть его – случайность. Я хочу сказать, что – по определению – существование не является необходимостью. Существовать – значит быть здесь, только и всего; существования вдруг оказываются перед тобой, на них можно натолкнуться, но в них нет закономерности» [13, с. 165].

В русской литературе подобную связь между тоской, тошнотой и экзистенциальным страхом мы находим в «Записках сумасшедшего» Л. Н. Толстого: «Я пробовал думать о том, что занимало меня: о покупке, о жене. Ничего не только веселого не было, но все это стало ничто. Все заслонял ужас за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я лег было. Но только что улегся, вдруг вскочил от ужаса. И тоска, и тоска – такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать» [15, с. 411]. Как отмечает Ю. С. Степанов, прежде всего, здесь Толстой – экзистенциалист, и «отмеченные мотивы у него – те же, что у Достоевского и Кьеркегора. Внезапное прозрение существования, экзистенции, увиденное в этом прозрении – страх бытия, и вслед за тем сразу – чувство отвращения, и тоска, “такая же душевная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная”» [14, с. 907-908].

Помимо этого, тоска этимологически связана еще и со словами «тощий», «тщетный», то есть с пустотой, незаполненностью. Тоска, по В. В. Колесову, это стеснение, она истощает. Благодаря смысловой близости к *тъщ* – «пустой, полый», по мнению ученого, «тоска передает бесполезность, суету, пустоту, тщетность жизни» [9, с. 76-77]. Если «тощий» обозначает пустоту физическую, то «тоска» – пустоту душевную, которую требуется чем-то заполнить.

Наиболее полное отражение тема тоски находит в экзистенциальной философии XX века, когда в результате двух мировых войн вера в разум как основополагающий жизненный принцип оказывается утраченной. Мир предстает чужим и враждебным, а бездомность человека в нем становится темой философии. Экзистенциализм обращается к конкретному человеку с его трагическим мироощущением, чувством одиночества и заброшенности в лишенную смысла действительность, полную страха, тоски и отчаяния. В центре внимания экзистенциальной философии оказывается пессимистическое мироощущение личности как носителя разорванного сознания, которому открылась абсурдность его существования как бытия-к-смерти, открывающая Ничто. Одним из важнейших понятий экзистенциальной философии становится тоска.

У М. Хайдеггера страх-тоска (Angst), так же как и одиночество, смерть, забота, отнесен к экзистенциалам человеческого существования, то есть к тем понятиям, которые выражают модусы бытия мира в их неразрывной связи с бытием человеческого сознания. Тоска является неотъемлемым свойством человеческого существования, антропологической константой. Быть экзистирующим значит неизбежно испытывать

чувство тоски. «Тоска – кто не знает ее, как она приходит под различными образами и масками, иногда лишь на мгновение, но часто мучая и угнетая нас долгое время. Кто незнаком с попытками прогнать ее, когда она приходит, что не всегда удается, и она, как раз тогда, когда мы всевозможными средствами пытаемся прогнать ее, становится упрямой и остается или же возвращается и теснит нас на границу еще более тяжелой тоски?» [22, S. 116-117], – вопрошает М. Хайдеггер.

Примечательно, что одним из основных ее особенностей является именно отсутствие всяких свойств, диффузность, бессодержательность. С. Кьеркегор отмечает эту тревожную неопределенность, благодаря которой тоска отличается от любых мотивированных человеческих страданий: «Тот, у кого скорбь и забота, знает, что вызывает у него скорбь и заботу. Если же спросить тоскующего, что сделало его столь тоскливым, что его тяготит, то он ответит: “этого я сказать не могу, это мне неизвестно”» [Цит. по: 3, с. 159].

Тоске невозможно дать рациональное объяснение. Она не имеет объекта и причины и, «словно глухой туман, тянется из недр бытия» [22, S. 114]. Отсутствие всяких свойств, а также душевная пустота, незаполненность, лишенность смыслов являются признаками Ничто. Тоска приоткрывает нам Ничто. Как отмечает М. Н. Эпштейн, «Ничто ощутимо как скука и пустота, которая разверзается из глубины сущего, – но тем самым и позволяет ему проявиться. Вне пустоты, зияющей среди сущего, не могло бы определиться и оно само в своей плотности и противостоянии человеку» [21, с. 149]. Тоска и метафизический страх являются провозвестниками Ничто, через которое происходит раскрытие бытия. Ничто, лежащее в основании человеческой экзистенции, позволяет приоткрыться сущему. Противостояние этому Ничто, выход за границы обыденного существования сопровождаются тоской, которая напоминает человеку о его конечности и неизбежной смерти.

В экзистенциальной философии отмечается также связь тоски со временем и временной природой человека. Времени присущи неутоленность, смертоносность, вызывающие тоску. Н. А. Бердяев отмечает, что он испытывал наибольшую тоску в те моменты жизни, которые считаются радостными. «Есть мучительный контраст между радостью данного мгновения и мучительностью, трагизмом жизни в целом. Тоска, в сущности, всегда есть тоска по вечности, невозможность примириться со временем. В обращенности к будущему есть не только надежда, но и тоска. Будущее всегда, в конце концов, приносит смерть, и это не может не вызывать тоски» [2, с. 60]. Прекрасные мгновения недолговечны и напоминают нам о хрупкости и бренности нашего мира и человеческого существования. Человеческое существование конечно, и неизбежность смерти вызывает чувство тоски и безнадежности. Смерть не есть то, что можно каким-то образом преодолеть, однако ограниченность во времени придает осмысленность экзистенции. Подлинная экзистенция, кроме всего прочего, есть бытие-к-смерти. Только приблизившись к постижению смерти как невозможности существования, человек находит свое подлинное бытие. «Жизнь к смерти» открывает смысл экзистенции, очищенной от повседневных проблем. Предвосхищение смерти придает смысл всему сущему. «“Бытие-к-смерти” есть страх, он ставит человека лицом к лицу с Ничто, бессмысленностью любых проектов, начинаний и самой экзистенции» [12, с. 392].

Тоска – это пограничное переживание, переживание границы; она открывает бытие. Если в повседневной жизни человек не задумывается над высшими смыслами и, занимаясь обыденными делами, рассеивается в неподлинной экзистенции, то тоска вырывает нас из мира повседневности, обыденности, напоминает о смысле существования. Тоска означает, что мы приблизились к пределам своего нынешнего существования и стучимся в эти пределы. Как отмечает Н. А. Хамитов, в тоске «все становится зыбким и расплывчатым. Все привычные и устойчивые ценности теряют очертания. Стекла в доме обыденности оказываются ледяными и тают. В обнаженные окна врывается ветер. Это ветер *иного бытия*. Все предметы и отношения сдвигаются со своих мест. И, наконец, все устанавливается по-новому. Тоска есть великий разрушитель, но в ней таится и великая созидающая сила» [17, с. 176].

Тоска – обнажение корней бытия. Требуется мужество, чтобы ее выдержать, не убегая в повседневную суету. Это переживание вторичности всех человеческих смыслов, неизбежной условности и ограниченности всех наших дел. Именно поэтому постоянно жить в ней нельзя: это пограничное ощущение бытия, которое позволяет приоткрыться смыслу. Человек стремится избежать этого знания через «рассеяние», уход в житейскую суету. Ничто приоткрывает нам бытие, и это «разверзтое» бытие трудно переносить, потому что оно показывает нам нашу временную природу и неизбежную смерть. Люди пытаются убежать от тоски, пытаясь постоянно занять чем-то время, придумывая себе разнообразные важные и существенные занятия. Но, несмотря на все усилия, они так и не могут прогнать ее. «Мы “знаем” – с помощью своеобразного знания, что она в любое время может вернуться. Итак, она уже здесь. Мы пытаемся развеять ее. Мы усыпляем ее. Мы ничего не хотим о ней знать. Но это означает не то, что мы не желаем осознавать ее, а просто не хотим, чтобы она пробудилась – она, которая в итоге все же пробуждается и широко открытыми глазами – хотя и из далекого далека – смотрит на наше здесь-бытие и этим взором пронизывает и определяет наше самочувствование» [22, S. 116]. Если тоска настигает человека, и он уже не может убежать от нее, она вынуждает к такому решению, в котором он отвлекается от суетности неподлинного бытия и решается на подлинность существования.

Подобно существованию метафизической и эмпирической форм страха (Angst и Furcht), существуют более глубокая и более поверхностная формы душевной подавленности (тоска и скука). По словам Н. А. Бердяева, нужно делать различие между тоской и скукой. О подлинном бытии человеку напоминает именно тоска, которая направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира. «Тоска обращена к трансцендентному, вместе с тем она означает неслиянность с трансцендентным, бездну между мной и трансцендентным… Но она говорит об одиночестве перед лицом трансцендентного. Это есть до последней остроты доведенный конфликт между моей жизнью в этом мире и трансцендентным.

Тоска может пробуждать богосознание, но она есть также переживание богооставленности. Она между трансцендентным и бездной небытия» [2, с. 58].

Тоска возносит человека над миром обыденности. Страдание, порождаемое тоской, – это переживание неукорененности нашего обыденного существования. Тоска возвышеннее и благороднее скуки. В ней таится возможность выхода за пределы обыденности; она может открывать путь к подлинному бытию. «Тоска очень связана с отталкиванием от того, что люди называют “жизнью”, не отдавая себе отчета в значении этого слова. В “жизни”, в самой силе “жизни” есть безумная тоска… Философская жизнь всегда освобождала меня от гнетущей тоски “жизни”, от ее уродства. Я противополагал “бытию” – “творчество”... Тоска исходит от “жизни”, от сумерек и мглы “жизни” и устремлена к трансцендентному. Творчество и есть движение к трансцендентному» [Там же, с. 62].

Скука, в отличие от тоски, есть притяжение нижней бездны пустоты. Жизнь в обыденности, порождая привычку и равнодушие, воплощается в переживание скуки. Скука – это «чувство усредненного и обезличенного существования, переживания отсутствия полноты жизни, отсутствия ее смысла. В скуке перед нами распахивается бездна бессмысленности обыденного бытия. Поэтому мы всегда спешим уйти от скуки в состояния иллюзорной или действительной полноты жизни» [17, с. 153-154]. В противоположность тоске, страх и скука направлены не на высший, а на низший мир. Страх говорит об опасности, исходящей от низшего мира. Скука говорит о пустоте и пошлости этого низшего мира. «Нет ничего безнадежнее и страшнее этой пустоты скуки. В тоске есть надежда, в скуке – безнадежность» [2, с. 58-59]. Тоска, в отличие от скуки, не терпит компромиссов с обыденностью и выводит человека в бытие, лежащее за границей обыденности, в творчество.

У концепта «тоска» помимо смысла, зафиксированного в словарях и энциклопедиях, есть еще и свои неповторимые национальные особенности. Польский лингвист А. Вежбицкая в качестве ключевых для русской культуры называет концепты «судьба», «тоска» и «воля» [4, с. 35-36]. Действительно, согласно общеизвестным стереотипам, отличительными чертами русского народа считаются его природная склонность к пассивности, фатализму, пессимизму, глубокому унынию, беспричинной тоске и грусти, повышенной эмоциональности. В чем же причина русской тоски?

Уже давно стало традицией связывать особенности «русской души» с бескрайними российскими просторами. Как отмечает Н. А. Бердяев, «огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство. И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами» [1, с. 65]. «Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня?» – спрашивал Гоголь, обращаясь к Руси из своего «прекрасного далека» [5, с. 201].

По мнению многих исследователей, особенность русской тоски заключается именно в ее связи с неограниченным пространством, являющимся уникальной особенностью России. «Конечно, есть и тоска, связанная с теснотой, узами, заключением, но это скорее общечеловеческая мука несвободы, рабства. Та особая русская тоска, налетающая в дороге и знакомая всем, от ямщика до первого поэта, есть дитя не тесноты, а именно приволья, ничем не прегражденного пространства. Это тоска не пленника, а странника» [19, с. 37]. Простор может быть сопряжен с чем-то пугающим и навевающим тоску, он может противопоставляться уютному маленькому мирку, где человек находится в безопасности и покое.

Характерные особенности русской природы, нашедшие отражение в произведениях русской поэзии, – это равнинность, невзрачность, монотонность. Российский простор весь открыт и утомляет своим однообразием. Небо низко нависло над землей, даже в дневные часы мглисто и сумеречно. Плоской, гладкой земле соответствует мутно-серый цвет неба, в котором как бы сглажены все цвета. Нет резких контрастов, ничто не выделяется на общем фоне. По словам М. Н. Эпштейна, «состояние человеческой души, вызванное этим глухим по звуку, мутным по цвету и ровным по форме бытием природы, тоже как бы приглушенное, лишенное внутренних контрастов, порывов – ровная, медлительная скука, хандра, столь же долгая, однообразная, как зимняя дорога… Природа переживается изнутри как обступающая, неотвратимая, не как географический или климатический фактор, а как сама судьба, принявшая наглядные, осязаемые черты» [20, с. 159-160].

Пустота пространства так огромна, что обессмысливает все человеческие усилия. Не наблюдается даже стремления наполнить чем-то эту пустоту, облагородить, обустроить свой быт, подобно тому, как это происходит в Европе. Крайне редко попадаются на бескрайних российских просторах оазисы обустроенного бытия. Как отмечает М. В. Каменкович, «почему-то ткань мира в любом виде как-то чужда русской душе, и даже скорость русский человек любит именно потому, что ему сладко мчаться “мимо”, не так даже и важно куда, главное – мимо “ненавистной материи”… Скорость дает иллюзию освобождения от окружающего мира. Да и пьют в России чаще всего, чтобы “отделить” себя от жизни, а не ради веселья, как вино, а не водку пьющие народы» [8].

Наверное, только ленивый не отмечал эту одну из важнейших составляющих культурного сценария русской тоски – пьянство. Избыток простора часто приводит к тому, что человек ищет выхода для своей энергии в таких крайних реакциях, как загул и запой. В загул и запой «уходят», то есть это воспринимается как некий вид эскапизма. Интересно сравнить слова «прогулка» и «загул». Если, по мнению исследователей, первое «вполне космополитично, оно предполагает умеренное приятное времяпровождение, то второе подразумевает безудержную дикую радость жизни, с песнями, плясками, а зачастую пьянкой и мордобоем» [7, с. 180]. Действительно, в русском загуле присутствует и отсутствие границ, и самозабвение, и отчаяние. Безудержное

веселье переходит в безудержную тоску, в желание от чего-то или от кого-то убежать. Может быть, от себя? Здесь прослеживается связь ключевых для русской культуры концептов простора, воли, удали и тоски.

Как отмечается многими исследователями, тоска, находящаяся на границе бытия и небытия, таит в себе серьезную духовную опасность. Согласно православным этическим учениям, тоска или скука могут свидетельствовать об опасном отдалении души от Бога. В традиционной российской системе ценностей тоска не имеет оправданий. Как отмечает М. В. Каменкович, сам русский язык поддерживал раньше этот оттенок смысла: «Скучает Смердяков. Страшно и отнюдь не плодотворно скучают герои Чехова в провинции, да и не в провинции. Недаром кто-то сказал, что революцию в России сделали именно от скуки. "…Уж я ножичком замахнусь, замахнусь!.. Скучно!" (любопытную нотку расслышал Блок в "музыке революции"). Этимологически русское слово "скука" восходит, как считает Фасмер, к "кукать" – "выть", "стенать"» [8].

Тоска соответствует одной из основных составляющих греха уныния, как его понимает православие. Она неразрывно связана с падшей природой человека, живущего греховной жизнью. Осознание этого вызывает чувство тоски, забыть о которой можно только бегством от самого себя, все время стараясь заглушить тоску шумом человеческого общества. Впрочем, с христианской точки зрения следует бороться не с тоской, а с грехом. Тоска же может быть даже благодетельной, так как, подобно физической боли, свидетельствующей о наличии телесной болезни, она говорит о существовании каких-то духовных проблем. Она может предвосхищать собой прорыв в иной мир, освобождение от обыденности с помощью религиозных или творческих поисков.

Таким образом, тоска является неотъемлемым свойством человека, антропологической константой. В ней находит свое выражение присущее человеческой природе стремление к смыслу. В той или иной форме она встречается во всех веках и культурах в соответствии с национальными особенностями и менталитетом каждого народа. В России она является одним из ключевых концептов русской культуры, который находит свое отражение в философии, литературе, богословии.

Тоска имеет амбивалентную природу: она происходит из физиологического ощущения тесноты, сдавленности – и дарит духовную свободу, связана с ощущением душевной пустоты – и наполняет смыслом человеческое бытие, угрожает падением в бездну отчаяния – и направляет к высшим ценностям. Переживание тоски напоминает об одиночестве и заброшенности человека в этом мире – и в то же время приближает нас к трансцендентному, оно связано с осознанием временной природы человека – и придает осмысленность его земному существованию, внушает ужас смерти – и дает возможность обретения себя и смысла жизни. Через попытку бежать от тоски человек получает возможность испытать радость творчества; она причиняет глубокое страдание – и возносит над миром обыденности, таит в себе опасность греха уныния – и стимулирует к духовным поискам. Тоска обретает свое экзистенциальное значение за счет того, что она выкликает человека из повседневности его существования к подлинности бытия.

Список литературы

1. **Бердяев Н. А.** Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века // Бердяев Н. А. Судьба России. М.: АСТ, 2004. 615 с.
2. **Бердяев Н. А.** Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 397 с.
3. **Больнов О. Ф.** Философия экзистенциализма: философия существования / сост. Ю. А. Сандулов. СПб.: Лань, 1999. 222 с.
4. **Вежбицкая А.** Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
5. **Гоголь Н. В.** Собр. соч.: в 9-ти т. М.: Русская книга, 1994. Т. 5. 605 с.
6. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1994. Т. 4. 864 с.
7. **Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.** С любимыми не расставайтесь // Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
8. **Каменкович М. В.** Возвращение немецкой меланхолии [Электронный ресурс]. URL: http://www.kreschatik.nm.ru/14/20.htm (дата обращения: 14.02.2012).
9. **Колесов В. В.** Древняя Русь: наследие в слове: в 5-ти кн. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. Кн. 3. Бытие и быт. 400 с.
10. **Нерознак В. П.** От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и преподавания иностранных языков: межвузовский сборник научных трудов. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. 231 с.
11. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. 922 с.
12. **Реале Д., Антисери Д.** Западная философия от истоков до наших дней: в 4-х т. / пер. с итал. С. А. Мальцевой. СПб.: Петрополис, 1997. Т. 4. 849 с.
13. **Сартр Ж. П.** Тошнота / пер. с фр. Ю. Я. Яхниной. М.: АСТ, 2003. 715 с.
14. **Степанов Ю. С.** Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
15. **Толстой Л. Н.** Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1984. Т. 12. 511 с.
16. **Хайдеггер М.** Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
17. **Хамитов Н. А.** Философия человека: от метафизики к метаантропологии. Киев: Ника-Центр, 2002. 334 с.
18. **Черных П. Я.** Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 2. 560 с.
19. **Эпштейн М. Н.** Все эссе: в 2-х т. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Т. 1. 544 с.
20. **Эпштейн М. Н.** «Природа, мир, тайник вселенной...»: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
21. **Эпштейн М. Н.** Слово и молчание: метафизика русской литературы. М.: Высшая школа, 2006. 560 с.
22. **Heidegger Lesebuch** / hrsg. von Günter Figel. Frankfurt am Main, 2007.

YEARNING AS NATIONAL CONCEPT OF RUSSIAN CULTURE

Lesya Vladimirovna Chesnokova
Department of Philosophy
Omsk State Pedagogical University
L.Tchesnokova@mail.ru

The author considers one of the most meaningful concepts in the Russian culture: the concept of yearning, pays particular attention to the etymology of this concept and to its interpretation in existential philosophy, presents the basic characteristics of yearning in terms of existentialism: its uncertainty, groundlessness, its connection with time and nothingness, distinguishes between yearning and boredom, and shows potential spiritual danger, which is rooted in this concept and understood as the sin of despondency in the Orthodox doctrine.

Key words and phrases: cultural concept; yearning; existential fear; boredom; existence; nothingness.

УДК 340
Юридические науки

На основе анализа российского законодательства XIX века исследуется государственная политика в отношении участников военных действий по защите государственных интересов России. Особое внимание уделено социально-экономической политике государства в отношении военных инвалидов, членов их семей, формам социальной защиты военных ветеранов и членов их семей, а также системе призрения (социального обеспечения) и источникам ее финансирования.

Ключевые слова и фразы: инвалиды войны; инвалидные дома; система призрения; инвалидный капитал; социальная защита инвалидов.

Светлана Равильевна Шафигулина, к. юрид. наук, доцент
Кафедра государственно-правовых дисциплин
Астраханский государственный университет
sv-shafigulina@yandex.ru

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ XIX В.©

Вопросы, связанные с социальной защитой военных ветеранов, инвалидов войны, не утратили своей актуальности, поскольку и в современном мире, в котором война является одним из средств достижения государственных целей, правовой статус, социально-экономическое положение участников военных действий нельзя признать удовлетворительным. Война как принудительный способ международного территориального переустройства известна человечеству с древнейших времен. В истории любого государства насчитывается не один десяток войн: захватнических, оборонительных, колонизаторских и т.д. Как отмечает Г. А. Леер, война есть спор о праве между государствами, рассматриваемыми как политические силы [4, с. 28]. Военные действия всегда сопровождаются санитарными потерями, ранеными, заботу о дальнейшей судьбе которых возлагает на себя государство.

Насыщенным на военные события в России был XIX в. В этом столетии Россия пережила череду военных конфликтов: воевала с Францией, Швецией, Турцией, Ираном. Так, в ходе Отечественной войны 1812 года Россия потеряла 300 тысяч человек, в результате Крымской войны 1853-1856 гг. – более 500 тыс. человек, не считая ранеными. Военно-политическая обстановка обусловила формирование государственной политики в отношении участников военных действий по защите государственных интересов России. Анализ законодательного массива показывает, что в рассматриваемый период активизируется правотворческая деятельность государства в данной сфере, что связано с внешнеполитической активностью России и необходимостью поддержания тех, кто защищал ее интересы.

Государственная политика, направленная на поддержку воинов, включала в себя ряд мер: от создания системы призрения до льготного регулирования. В рассматриваемый период повысилось внимание российской власти к социально-правовому и экономическому статусу военных ветеранов. В 1814 г. по инициативе Александра I учреждается Комитет для вспомоществования неимущим изувеченным генералам, штаб и обер-офицерам [17]. В современном понимании он представлял собой общероссийский общественный фонд, оказывающий адресную поддержку. К 1864 г. под покровительством Комитета раненых находились около двадцати тыс. человек. Средства, выделяемые государством, а также частными лицами, находились под контролем государства, что, однако, не исключало случаев их расхищения. Так, в период 1834-1853 гг. тайным советником А. Политковским в сообществе с другими чиновниками канцелярии было похищено более

© Шафигулина С. Р., 2012